

ЗА ПРЕИЗЫТКОМ грозных событий в стране прошло почти незамеченным событие в культуре — завершение пятитомной «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена». Завершающий пятый том вышел в прошлом году тиражом 900 (!) экземпляров, первый том когда-то, в 1974-м, в количестве все-таки 6500 — и эта эволюция тиражей наводит на социокультурные, как мы теперь выражаемся, размышления. Значит, признано, что столь сухой академический труд если в наши дни кому-то и нужен, то совсем уже малому стаду «специалистов» — хотя ведь и их, если даже иметь в виду только изучающих русскую литературу XIX века, «в нашей все еще огромной стране» (здесь я цитирую М. Чудакову, ее недавнюю заметку-призыв в «ЛГ», № 48, под заглавием «Углубиться в честный академизм») много и много больше этой неполной тысячи. Что уж и говорить о просто читателях. Может быть, и в самом деле в нашей нынешней ситуации, при господствующем склонении интересов жанр такого самого скромного и смиренного литературоведения не ко двору? Как и сам герой настоящей летописи, потому что не принадлежит сейчас Герцен из старых русских писателей к числу героев нашего времени, иные имена на устах.

то писателя у нас еще не было: труд уникален не только как хроника жизни Герцена, но и как образец научно-литературного жанра. Были писательские летописи (а до них различные «Материалы к биографии», «Труды и дни»), в том числе путчевская Г. И. Чулкова, толстовская Н. Н. Гусева, пушкинская М. А. Цявловского (но лишь первый из трех задуманных томов, он только что переиздан) — од-

семейного быта, по существу бездомностью, встает из переписки Герцена со старшей дочерью. Вообще картина поздних лет мыслителя в этом пятом томе грустна: картина, в кратких словах подытоженная Г. П. Федотовым: «Горький пессимизм его старости отвечает религиозному самоубийству юности».

«Потерянный писатель» — назвал Федотов свою юбилейную статью 1937

Герцене они судили очень различно, почти полярно. Герцен не эмигрировал, писал Достоевский, он родился эмигрантом: «то был продукт нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde... Разумеется, Герцен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели...» И о тех же центральных свойствах этой личности с восхищением и любованием отзывался поли-

ны полученная нами от тружеников-филологов (здесь прежде всего необходимо назвать имена тех, кто провел ее от первого до последнего тома — И. Г. Птушкину и С. Д. Гурвич-Лищнер) летопись.

Нет, ее материалы близко касаются и нашего дня сегодняшнего. Это наша история, и ее горячие (и горячие) сюжеты в этой жизни завязывались. Вот на страницах пятого тома появляется имя Сергея Нечаева: на горизонте Герцена в последние его месяцы возникает эта фигура. Огарев с Бакуниным увлечены «юношей»: «подает надежду на новые силы», Огарев посылает Нечаева к Герцену, но предвидит: «Мой мужичок тебе с первого взгляда, пожалуй, не понравится... манеры у него уже совсем мужицкие». Так и вышло: «Редко кто-нибудь был так антипатичен Герцену». — вспоминает Н. А. Тучкова-Огарева. «Что-то суровое и дикое» находит он во взгляде Нечаева. О пропаганде Бакунина и Нечаева отзывался, как о белой горячке, и считает нужным ей противодействовать: деятельность «юноши» и «двух старцев» (Бакунина и Огарева) «считаю положительно вредной и несвоевременной». Это написано за неделю до смерти (12 января 1870-го), но и уже в смертельной болезни Огарев терзает друга требованием выдать Нечаеву крупную сумму, и умирающий Герцен отказывает. К этому времени в Москве уже Нечаевым и его группой «наших» убит студент Петровской академии И. Иванов, но известие об этом еще не дошло до Европы. Жизнь Герцена обрывается на этой исторически выразительной встрече с новыми бесами, и летопись

высвечивает эти значительные — пусть не страницы, но строчки нашей истории. И при этом что важно — как подчеркнуты, как играют во встрече этой социально-эстетические оттенки, как сказываются в распознавании Нечаева те свойства герценовской сущности, которые в первую очередь отмечали единодушно, оценивая их каждый по своему, Достоевский, Леонтьев, да и Ленин тоже: русский барин, эстет, дворянский революционер. Слово частично сюжета «Бесов» пишет история на последних страницах герценовской летописи.

В наши дни великого поворота отечественной судьбы событие в академическом литературоведении совсем затерялось, и 900 экземпляров — красноречивый и, нельзя не сказать, абсурдный факт. (И где они, эти 900 экз., кто видел эту достаточно дорогостоящую книгу не для легкого чтения даже лишь на прилавках московской «Академкниги»?) Между тем содержание этого академического труда — о чем я прежде всего и хотел сказать — касается наших дней. Но надо сказать и шире: беда для культуры, колоссально академическая работа будет в нашем воспаленном общественном сознании обесценена. Завершение герценовской летописи дает неложный повод поддержать призыв к филологам, выраженный заголовком вышеупомянутой реплики М. Чудаковой, и не только к самим филологам, но и к таким организационно-культурным центрам, как издательство и органы печати, как «Литературная газета», которая — цитирую — «могла бы сегодня «сыграть на повышение» уровня культуры в самом широком масштабе».

Лит. 203079 - 1992 - 1246(1) - С.6

Сергей БОЧАРОВ

Завершено издание 5-томной «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена»

ГЕРЦЕН: ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

нако, повторю, такой многотомной и полной, со столь максимально доступным сейчас науке использованием источников не было. Если только начать перечислять документальные материалы, являющиеся здесь на свет... Хотя бы одно — большой массив писем дочери Герцена, Н. А. Герцен, к отцу и другим лицам, прежде всего к Огареву, хранящихся в Национальной библиотеке в Париже; он впервые введен в оборот С. Д. Гурвич-Лищнер и Л. Р. Ланским в пятом томе летописи. И какая картина трагического одиночества в последние годы, утраты идейного дела по исчерпанию и прекращению «Колокола», вместе с разладом

года. Но нам еще предстоит восстановление полного образа Герцена — и летопись жизни его послужит главной к тому основой. Герцен все еще не вышел для нас из тени приснопамятной статьи «Памяти Герцена», из которой мы твердо помним, что декабристы его разбудили (далее см. по одноименной балладе Н. Коржавина) и что он затем вплотную подошел к и остановился перед. Но ведь высказывались о Герцене и такие его современники, как Достоевский и Константин Леонтьев. Близкие друг другу в ряде отношений идеологически и политически, как консерваторы и почвенники, о русском барине — европейском социалисте

тический реакционер Леонтьев, находивший, что «самое революционерство» Герцена отмечено «печатью феодальной поэзии и барского изящества». Герцен как «гениальный эстет 40-х годов» был любимцем Леонтьева, вопреки очевидной между ними философской и политической розни. Столь противоречивый размах суждений от вечал объему личности — а цель работы, которая называется летописью жизни и творчества, и состоит в воссоздании этого объема. Взаимоложением, взаимодополнением, взаимопровержением несметной массы фактов, документов, свидетельств, мнений — так достигает объемной карти-